

К 150-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

УДК 94(470)“16/18”+32.001(470+571)

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РАННЕМ РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ (СЕРЕДИНА 1850-Х – СЕРЕДИНА 1860-Х ГОДОВ)

К. И. Шнейдер

Исследуются программы ранних русских либералов середины XIX в., посвященные решению крестьянского вопроса. Особое внимание уделяется различию в подходе к решению таких вопросов, как судьба русской общины и содержание выкупной операции. Предпринимается попытка объяснить несовпадение взглядов либералов на крестьянскую проблему.

Ключевые слова: ранний русский либерализм, крестьянская реформа, община, личность, свобода, выкупная операция.

Формирование раннего русского либерализма происходило как раз в период активной подготовки Великой реформы 1861 г., когда крестьянская тема стала одной из самых востребованных в дискуссиях представителей различных направлений отечественной общественной мысли. При этом либералы играли в них ведущую роль, генерируя базовые идеи предстоящей аграрной модернизации и предлагая программы перспективного развития сельского хозяйства [Арсланов, 2000; Китаев, 1996, 2004; Приленский, 1995; Российский либерализм..., 2010; Hamburg, 1991, № 4, p. 890–904].

Основные постулаты раннего русского либерализма относительно крестьянской проблемы были сформулированы в 1855–1859 гг. Кавелиным и Чичериным. В центре внимания либералов оказались судьба русской общины и предстоящее упразднение крепостного права в России, определившие точки притяжения и расхождения в либеральной среде. Обсуждение прошлого, настоящего и будущего российской деревни происходило в обстановке непрекращающегося диалога ранних либералов с их оппонентами «слева» и «справа».

Специальным исследованием истории русской общины занимался Чичерин, доказывавший идею ее государственного происхождения. Он напрямую увязывал эволюцию этого феномена с главными этапами общенационального развития, в котором «наша сельская община имела свою историю и развивалась по тем же началам, по каким развивался и весь общественный и государственный быт России. Из родовой общины она сделалась владельческой и из владельческой государственной. Средневековые общинные учреждения не имели ничего сходного с нынешними; тогда не было ни общего владения землей, ни ограничения права наследства отдельных членов, ни передела земель, ни ограничения права перехода на другие места, ни соединения земледельцев в большие села, ни внутреннего суда и расправы, ни общинной полиции, ни общинных хозяйственных учреждений» [Чичерин, 1858а, с. 57].

Таким образом, крестьянская община в России в ее окончательном виде, по мнению Чичерина, являлась результатом исключительно государственных усилий по обустройству поземельных отношений начиная с XVI столетия, а вовсе не следствием их естественноисторического развития. Такое понимание радикально расходилось с одной из фундаментальных идей отечественных славянофилов о принадлежности общины к элементам подлинно народной жизни.

Наиболее остро в среде либералов проходило обсуждение перспектив существования мирского феномена в России в обозримом будущем. По этому вопросу в либеральном сообществе середины XIX в. имелись два мнения: крестьянская община превратилась в архаичный институт, препятствовавший движению деревни вперед и подлежащий в конце концов упразднению и община есть идеальная конструкция прежде всего социально-экономической коммуникации огромной массы населения, способная предотвратить или амортизировать самые опасные общественные катаклизмы не только в период преобразований, но и в постреформационное время.

Первой точки зрения придерживался Чичерин, утверждая, что: «мирское владение землей, которое составляет естественное последствие государственной системы, основанной на крепостном праве, на резком разграничении сословий, на взыскании податей с рабочих сил, на пожертвовании

частной деятельности пользе государства, представляется явлением неуместным в порядке вещей, который зиждется на сближении сословий, на развитии частной деятельности, на свободе экономических и гражданских отношений. Как остаток старины среди новых жизненных условий, оно может вести только к несправедливостям и несообразностям» [Чичерин, 1858б, с. 522].

Чичерин принципиально отвергал общинные порядки как несовместимые с долгосрочной стратегией социального планирования в целом и аграрной модернизацией в частности. Будучи поклонником экономического либерализма и манчестерской школы, он неизменно полагался на механизмы саморегулирования и приспособления старых хозяйственных форм к новому порядку через повседневные жизненные столкновения и выявление практической потребности в экономике. Одновременно Чичерин совсем не исключал тактической возможности сохранения мирского управления в деревне в качестве «требования дня». Применительно к российским условиям середины XIX в. он не сомневался в целесообразности существования общины в ближайшей исторической перспективе и даже выступал против сиюминутных радикальных решений при рассмотрении вопроса совместного крестьянского проживания. Согласно Чичерину, любые новации не в состоянии разом изменить облик и содержание прежних мирских порядков, обреченных лишь на медленное преобразование.

С другой стороны, не следует «поддерживать старый порядок искусственным образом. Пусть мирское владение землей будет предоставлено естественному своему ходу. Пусть крестьяне, которые хотят выкупаться с землей отдельно от других, выкупаются отдельно; пусть те общины, которые захотят разделить мирскую землю на участки, принадлежащие хозяевам в личную собственность, получают на это разрешение», – полагал один из отцов-основателей русского либерализма [Там же, с. 523].

В системных рационально-метафизических построениях Чичерина четко прослеживался финальный прогрессизм исторического развития аграрной сферы: в ней рано или поздно должны произойти разрушение традиционных отношений, социальная дифференциация крестьянского населения и экспансия рынка. И тогда сами собой «образуются различные разряды земледельцев: беднейшая и слабейшая часть крестьян без сомнения превратится в батраков и будет ходить туда, где найдет наиболее выгодную работу; другие будут возделывать собственную землю или нанимать ее у помещиков; третьи, наконец, владея участком земли, будут вместе с тем наниматься в работу у соседей. Свободное движение экономических сил само собой установит здесь правильность экономических отношений» [Там же, с. 504].

Иную версию решения проблемы крестьянской общины предлагал Кавелин, переживший знаменитую дискуссию западников и славянофилов 1840-х гг., в свое время общавшийся с Белинским и Герценом и все больше тяготевший к позитивному знанию с его релятивизмом и неприятием «метафизических миражей». Он придавал сельскому миру значение и экономического регулятора в «тихой гавани» традиционного крестьянского землепользования, и своеобразной «подушки безопасности», защищавшей от социальных последствий аграрных преобразований.

Вместе с тем современный образ консервативной крестьянской общины порой воспринимался Кавелиным в духе славянофильской риторики по поводу ее истинно народного характера. В частности, он заявлял, что общинное владение «предназначено быть великим хранилищем народных сил, из которого они будут непрерывно бить живою струей и в котором будут беспрестанно обновляться для новой плодотворной деятельности» [Кавелин, 1898а, с. 183]. Правда, этот кладезь традиционной мудрости служил, по Кавелину, прежде всего гарантом социальной стабильности в обществе, вступившем на опасный путь промышленной модернизации, чреватый самыми разрушительными итогами.

Подобные рассуждения известного отечественного либерального мыслителя связаны с его скептическим отношением к предполагаемым результатам индустриальной политики в России, где как он считал земледелие надолго останется главным центром промышленного развития и средоточием всех экономических усилий в стране. Поэтому «очарование» общинными порядками у Кавелина имело вполне функциональную основу, не связанную со славянофильскими попытками доказать преимущества особого исторического пути России. Например, он был всерьез обеспокоен перспективой пролетаризации многомиллионной армии крестьянства в связи с широким и неконтролируемым распространением личной поземельной собственности в обозримом будущем. Кавелина привлекала идея сосуществования различных форм землевладения в деревне: «Я думаю, что при существовании общинного землевладения, разумеется, в надлежащей пропорции с личною позе-

мельною собственностью, опасного для общественной экономии перевеса людей бездомных никогда быть не может, как бы народонаселение ни увеличилось» [Там же, с. 186].

Даже когда Кавелин рассуждал о нравственных достоинствах крестьянской жизни, укорененной в многовековых устоях мирского совместного проживания, он прежде всего видел в этом надежный барьер для любых проявлений хаоса и анархии в обществе в какой бы то ни было период его развития, а не единственно возможный вариант сельского обустройства. Самое главное – не разорвать привычную для русского крестьянина связь с землей, хотя бы и во имя самых высоких и прогрессивных целей, иначе всегда хрупкий баланс социальных интересов обречен на разрушение.

Интеллектуальную поддержку Кавелину оказал известный либеральный журнал «Русский вестник», изменивший свое прежнее видение будущего крестьянской общины и в 1858 г. вставший на ее защиту в одной из своих редакционных статей. Автором публикации являлся глава издания М. Н. Катков, во вступлении сразу заявивший о невозможности впредь отстаивать общинное владение всем здравомыслящим людям, чуждым самолюбивого упрямства. Однако в дальнейшем он приложил немало сил, чтобы доказать прямо противоположное, а именно очевидную социально-экономическую и политическую целесообразность существования крестьянского мира в условиях России.

Катков утверждал: «Мы стоим за русскую сельскую общину не только в политическом или административном отношении, но и в отношении экономическом. Оба эти значения, политическое и экономическое, различаем мы явственно, и обоими дорожим в русской сельской общине» [Катков, 1858, с. 189]. После чего он вновь подчеркнул бесполезный характер любых общих дискуссий о преимуществах личной поземельной собственности перед общинной в силу явной предпочтительности первой в стратегической перспективе. Вместе с тем Катков однозначно высказался против искусственного навязывания какой-либо одной формы сельского обустройства и особенно личного владения, так как оно требует длительной адаптации и социальной прививки на русской почве, исторически неподготовленной для его механического копирования.

Редактор «Русского вестника» напомнил читателям об отсутствии универсальных подходов к трактовке понятия «личное» и предостерег от безграничного распространения его в социальном пространстве. По мнению Каткова, далеко не везде «приложение личности истинно и справедливо в отношении к ней же самой; не везде эпитет личного равно уместен. Так, прежде всего, право владения не должно простираться на другого человека, хотя фактически оно может простираться на все без различия, столько же на бездушные вещи, сколько на самого человека» [Там же, с. 191]. Более того, он настаивал на нравственных преимуществах самоограничения не только в сфере господства и подчинения человека человеком, но и в вопросах поземельной собственности, позволяющих существенно расширить область справедливого и социально ожидаемого в обществе.

В конечном счете Катков предложил свою идею содержательного обновления традиционного мирского управления, в обосновании которой немаловажную роль играла историко-географическая аргументация. В частности, он апеллировал к известному тезису в отечественной историографии о ненасильственном характере заселения предками земель, а также к распространенному мнению о вековой неразвитости института частной собственности на землю на огромных и во многом еще не освоенных российских просторах. В итоге Катков не видел серьезных препятствий для сосуществования традиции и новации в вопросе перспективного обустройства российской деревни.

Более всего его заботила экономическая реорганизация внутриобщинных отношений, ориентированная на поддержание хозяйственного интереса крестьян к привычной для них форме землепользования. «Члены общины за право владения ее землями должны платить ей справедливое вознаграждение. Чтобы не приискивать другого термина, назовем это вознаграждение простым и обыкновенным у нас словом *оброк*. Право общины будет выражаться самым справедливым и верным образом в обязанности лиц, пользующихся ее землей, платить ей оброк. Каждое хозяйство или каждое тягло платят оброк; каждая душа, принадлежащая к общине, имеет право на получение своей доли из суммы всего оброка, или, говоря экономическим термином, получает свою долю из поземельной ренты, собираемой общиной», – предлагал Катков [Там же, с. 212]. При этом вся наличная сумма должна принадлежать общине и делиться поровну между ее реальными членами, без всякого различия, даже если они не владеют участком земли и живут где-либо на стороне.

За научной поддержкой Катков обратился к авторитету классической либеральной политэкономии. Например, сумму, причитающуюся каждому члену общины, он идентифицировал с привилегией поземельной собственности по А. Смитю или с рентой по Д. Рикардо, отличной от дохода с

капитала и вознаграждения за труд. Катков называл ее даровой премией, которая «в предполагаемом нами общинном устройстве, перестав быть привилегией, слагает с себя всякий характер монополии и обезоруживает самые смелые требования своих противников» [Там же, с. 213].

В предлагаемой конструкции Каткова привлекала возможность соединения уникального способа уравнилельной системы распределения доходов с институтом собственности, распространенного на все общинные отношения. Другими словами, редактор «Русского вестника» считал жизненно возможным, превратив крестьян в земельных собственников, заставить их платить общине некий «оброк», который в конце концов справедливым образом возвращался участникам не как подаяние или вспомоществование, а как рента да еще по числу членов каждой семьи. Вместе с тем крайне сложно представить себе реальное функционирование этого механизма, где абсолютно непонятными и запутанными остались вопросы стимулирования крестьян к производительному сельскохозяйственному труду, конкретные условия приобретения земли в собственность и характер взаимоотношений личного владения и общины, призванной постоянно заботиться о самосохранении и усилении контроля над своими членами.

Очевидно, что Катков стремился к созданию проекта социально гармоничного развития деревни с учетом потенциально негативных последствий будущих аграрных преобразований, из которых либералов более всего пугал образ пролетаризирующегося крестьянина-маргинала. Поэтому Катков всерьез надеялся на институт общинной собственности как на действенное средство в борьбе против «пролетарской опасности». Именно безусловное право на ренту, по его мнению, будет надежно ограждать крестьянина от перспективы социальной деградации.

В целом общинная собственность в интерпретации Каткова превращалась в панацею едва ли не от всех бед на селе. «В общине сохраняется все то, что составляет выгоду личной собственности. В народных массах, в миллионах людей развивается чувство обеспеченности, по крайней мере, в первых основах существования, чувство самостоятельности и независимости. Каждый из числа миллионов есть сам собственник, и не в ущерб другим, не с исключением другим, а, напротив, в крепком единстве с другими», – убеждал Катков [Там же, с. 234].

Следует признать, что различие в оценке исторических перспектив крестьянской общины в России между Чичериным, с одной стороны, и Кавелиным с Катковым – с другой, носило принципиальный характер. Несмотря на точки соприкосновения во взглядах на ближайшее будущее сельского мирского устройства, они по-разному трактовали его стратегический потенциал.

Кавелин весьма скептически относился к идее отечественной промышленной модернизации и склонялся к выводу о сохранении за сельским хозяйством первенства в экономическом развитии государства. Катков при всех своих оговорках начиная с 1858 г. старательно конструировал поливариантную модель аграрных отношений, рассчитанную на длительный период сосуществования как общинной, так и иных форм собственности. В том и другом случае крестьянская община, пусть даже в обновленном виде, занимала приоритетное положение в проектах долгосрочного обустройства деревни, насыщенных тревожной риторикой по поводу судьбы сельского труженика.

Чичерин воспринимал традиционный общинный мир в качестве архаичного института прошлой социальной коммуникации. Несмотря на его многочисленные рассуждения о российской специфике переходного состояния в крестьянской среде и необходимости поддержания баланса интересов во время перемен, он не видел общину в стратегических планах развития деревни. В его представлении крестьянин должен был как можно скорее стать полноправным собственником земли.

Чичерин создавал метафизический образ рационально устроенных поземельных отношений, в то время как Кавелин обращался к фактическим нюансам и особенностям отечественного опыта существования сельской мирской организации. В отличие от Чичерина он пытался составить тактический проект по сохранению и приспособлению общины к неизбежным испытаниям прогрессом, с его неумолимой логикой развития и нивелированием национальной специфики, что в конечном счете способствовало формированию «народнического» тренда в раннем русском либерализме [Арсланов, 2000; Китаев, 1996].

Другой популярной и часто обсуждавшейся темой в либеральной среде являлась программа будущей крестьянской реформы. По поводу необходимости отмены крепостного права в России наблюдалось полное единодушие, обеспеченное в том числе подготовительной работой верховной власти к предстоящим преобразованиям. Самыми первыми из либералов высказались Кавелин в своей знаменитой «Записке об освобождении крестьян в России» (1855) и Чичерин в содержатель-

ном очерке «О крепостном состоянии» (1856). «Без уничтожения крепостного состояния невозможно разрешение никаких вопросов, ни политических, ни административных, ни общественных. Куда ни обратиться, везде оно является, как неодолимая преграда, как клеймо, лежащее на всех отношениях общественных и государственных» [Чичерин, 1974, с. 131].

Общим местом для всех либеральных мыслителей стала критика института крепостничества как проявления аморальной практики угнетения человека, лишения его гражданских прав и свобод, несовместимых с требованием века и цивилизованным развитием. В частности, Кавелин был уверен: «При современном порядке дел у нас и в Европе зависимость и повинности крестьян в отношении к владельцам не могут быть более терпимы; а у нас, между тем, крепостное право служит основанием не только зависимости, но и рабства, не только обязанностей и повинностей, но полного отсутствия прав и унижения человека на степень вещи. Надобно наперед возвратить крепостному личные его права и затем приступить к отмене его зависимости, обязанностей и повинностей» [Кавелин, 1898б, с. 91].

Либералы отказывали крепостнической системе в какой-либо экономической эффективности и подчеркивали ее очевидные политические и социальные риски. Они видели бесспорные преимущества свободного труда, не стесненного искусственными преградами личной зависимости и одинаково выгодного для крестьян и дворян. Кроме того, крепостное рабство в России, по мнению либералов, являлось препятствием на пути прогресса и постоянным источником социальной напряженности в обществе, чреватой радикальными политическими последствиями.

Чичерин, имевший в противовес Кавелину государственническое объяснение причин возникновения крепостничества в русской истории, настаивал на том, что их потенциал давно исчерпан и они перестали выполнять полезные функции, а сам институт крепостного права всерьез угрожает социальной стабильности в обществе, в связи с чем назрела потребность в его упразднении. Он апеллировал к опыту современных европейских государств, где, как ему казалось, распространены свободные отношения между гражданами, равенство всех перед законом и одинаковое подчинение единой верховной власти. Только при таком порядке, считал Чичерин, «личность каждого гражданина получает достаточно простора, чтобы проявить всю свою силу и достигнуть великих результатов свободного труда; а с другой стороны сама верховная власть, получив в непосредственное свое ведение целую массу подданных, которые прежде находились в частной зависимости, приобретает новое могущество и получает возможность явиться истинным представителем значения и прав государства» [Чичерин, 1858б, с. 487–488]. Таким образом, для Чичерина несостоятельность крепостного права определялась прежде всего его иррациональностью, архаичностью и практической непригодностью в современных исторических условиях.

Впервые в раннем русском либерализме развернутую программу конкретных мер по проведению крестьянской реформы предложил Кавелин. После обязательного личного освобождения крепостных следовало решить проблему наделения их землей с обязательным вознаграждением помещиков. Кавелин особо акцентировал тезис о соблюдении обоюдных интересов при осуществлении плана преобразования поземельных отношений. Он утверждал, что «правительство ни под каким видом не может согласиться на увольнение крепостных без земли, потому что чрез это сельское население было бы поставлено, если не по праву, то на самом деле, в слишком большую материальную зависимость от владельцев, или даже, наскучив этой зависимостью, потеряло бы мало по малу оседлость...» [Кавелин, 1898в, с. 42]. Из всех способов наделения крестьян землей он выбрал самый очевидный – оставить земледельцам те участки, которые находились на тот период в их действительном владении и пользовании.

Столь же категорично настаивал на предоставлении крестьянам земли и Чичерин, также убежденный в необходимости сохранения крестьянской оседлости и, следовательно, прочности общественных отношений в государстве. Именно этим, по его мнению, руководствовались законодательство конца XVI в., когда начался процесс прикрепления крестьян. Тогда власть нуждалась в преодолении традиционной практики кочевания людей и укоренении стабильной податной системы.

Теперь же любые планы по освобождению крепостных без земли несли в себе реальную опасность экономической и социальной катастрофы, грозившей радикально разрушить прежний их образ жизни и создать условия для возвращения в уже забытое бродячее состояние. Поэтому Чичерин выступал за сохранение за крестьянами той земли, на которой они сидят. В конечном счете Кавелин и Чичерин предлагали провести добросовестную оценку стоимости недвижимого имущества с учетом местных особенностей и увязать окончательное раскрепощение земледельцев с обязатель-

ным выкупом ими своих участков у законных владельцев.

Вообще в отечественном раннелиберальном дискурсе тема адекватного вознаграждения помещиков по степени важности не уступала места вопросу о справедливых крестьянских наделах. Отцы-основатели русского либерализма не допускали даже мысли о каких-либо нарушениях прав собственности. «Освобождение крестьян без вознаграждения помещиков, во-первых, было бы весьма опасным примером нарушения права собственности, которого никакое правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях...», – полагал Кавелин, которого полностью поддерживал Чичерин [Там же, с. 41].

Дворяне, по праву получившие капитал за отчужденные у них земли, приобретали возможность, по мнению ранних русских либералов, не только сохранить систему крупного землевладения в России, но и успешно вступить в новые, конкурентные отношения рынка. Например, Чичерин был уверен, что помещик после вознаграждения и не разорится, и «получит значительное приращение доходов вследствие лучшего устройства хозяйства и необходимого возвышения цен на земли» [Чичерин, 1974, с. 205]. Правда, специалистам хорошо известна разница во взглядах Кавелина и Чичерина на перспективы развития отечественного сельского хозяйства. Если первый скептически оценивал будущее тотального рынка и личного владения на селе, то второй акцентировал идею превращения деревни в территорию всеобщего распространения частной собственности.

Таким образом, выражая общую озабоченность судьбой дворянского недвижимого имущества в будущем, они по-разному трактовали способы его поддержания. В частности, Кавелин, являясь сторонником сосуществования общинной и личной собственности, ставил помещика в менее благоприятное положение с точки зрения его внутренней мотивации модернизации своего хозяйства. Чичерин, напротив, надеялся на жесткие конкурентные стимулы рыночной системы как на основные импульсы к обновлению традиционного дворянского землевладения. В итоге Кавелин больше надеялся на сознательность и добрую волю помещиков, а Чичерин – на неумолимые и рациональные законы товарного производства.

Наиболее сложным был вопрос о механизме выкупной операции, с помощью которой либералы предполагали урегулировать взаимоотношения главных участников предстоящей крестьянской реформы. И в понимании его ведущими либеральными мыслителями середины XIX в. также можно увидеть некоторое различие.

Для Кавелина крепостной крестьянин составлял такую же собственность владельца, как и земля, поэтому выкупная сумма, по его мнению, должна включать в себя стоимость как недвижимого имущества, так и самого лица. В противном случае Кавелин предрекал недовольство части дворян из-за неуравнительности, потому что «только в некоторых губерниях, преимущественно густонаселенных и земледельческих, земля имеет большую ценность, а крепостные почти никакой, или весьма малую; в других же губерниях, преимущественно промышленных, или хотя и земледельческих, но малонаселенных, владельцы получают доход не от земли, а от крепостных...» [Кавелин, 1898в, с. 47].

Чичерин в отличие от Кавелина разделил решение этой проблемы на несколько самостоятельных частей. Личное освобождение крестьян, занимавшихся земледельческим трудом, он считал необходимым провести без всякого выкупа. «Крестьяне, владеющие землей, должны быть рассматриваемы в первоначальном своем значении, именно как крепкие земле, а не как личные подданные помещика», – утверждал Чичерин [Чичерин, 1974, с. 173]. Другое дело – дворовые люди, чей социальный статус не был четко определен законодательством. Они появились из древнего состояния холопов и находились в личной, но не в поземельной зависимости у владельца. Поэтому получение ими свободы, в соответствии с логикой Чичерина, предполагало обязательный их выкуп, так как человек, имевший личную крепость, «может только откупить свое лицо, вознаградив своего хозяина за уничтоженную крепостную власть и обязательную работу» [Там же, с. 216]. Таким образом, Чичерин нюансировал специфику юридических отношений, сложившихся *de facto* между землевладельцами и разными группами зависимого крестьянского населения. Это в конечном счете определяло содержание и специфику процедуры выкупа личной свободы и земли.

Оба ведущих либеральных мыслителя середины XIX столетия единодушно высказались за долгосрочное проведение выкупной операции, призванной в первую очередь не разорить ни помещиков, ни крестьян. Вообще Кавелин и Чичерин всегда выступали против внезапного и необдуманного осуществления крестьянской реформы, за введение длительного переходного периода, в

течение которого каждая из трех заинтересованных сторон – государство, дворяне и крестьяне – смогла бы адаптироваться к новым экономическим условиям существования. Чичерин считал, что в продолжение этого времени «взаимные личные и поземельные отношения сословий должны быть определены юридически для того, чтобы окончательный выкуп мог опереться на предшествующую основательную работу, на точное определение тех выгод, за которые помещик должен быть впоследствии вознагражден денежным взносом» [Чичерин, 1858б, с. 498].

Кроме того, на переходном этапе всегда оставалась возможность исправить ошибки в ходе проведения реформы в целом и выкупной операции в частности. Наконец, немаловажным аргументом ранних русских либералов в пользу увеличения продолжительности аграрных преобразований в России являлся тезис о воспитании в дворянской и крестьянской среде привычки к правовой культуре, гражданской свободе и строгому выполнению взятых на себя обязательств. В частности, Чичерин рассматривал выкуп крестьянских усадеб в контексте не столько материальных, сколько нравственных выгод для будущего развития. Эта мера «обозначает тот путь, которому должно следовать предстоящее преобразование, ту цель, которая имеется в виду: крестьянин должен быть не бездомным батраком, а оседлым собственником. Самому крестьянину через это внушается, что он должен ожидать себе освобождения не от правительственных распоряжений, совершающихся помимо него, а от собственной деятельности, от собственного труда» [Там же, с. 501].

Разрабатывая версии выкупной операции, Кавелин и Чичерин не сомневались в ее сложности и длительности, а потому и в сохранении на неопределенное время экономической зависимости крестьян от своих бывших владельцев в виде трудовых отработок или оброчной повинности. Финальной точкой всей преобразовательной кампании в деревне, по мнению русских либералов, мог стать только окончательный выкуп земли у помещиков, разрубавший узел многочисленных противоречий в поземельных отношениях. Не случайно именно в связи с решением этого вопроса либералы проявляли наибольшее беспокойство за успех крестьянской реформы.

В концепции раннего русского либерализма отмене крепостного права отводилось одно из самых главных мест. Более того, создание концепции началось с обсуждения ближайших перспектив разрешения крестьянской проблемы в России, варианты которого маркировали идейную принадлежность того или иного мыслителя к либеральной среде. Появившиеся разногласия в процессе дискуссии по крестьянской теме были обусловлены внутренне конфликтным процессом самоидентификации либералов в интеллектуальном пространстве России накануне Великих реформ, происходившем на фоне активной полемики с идейными оппонентами «слева» и «справа». Поэтому в программах крестьянской реформы, предложенных отечественными либералами, нашла отражение разная содержательная динамика теоретического освоения ими европейского либерального наследия в национальных условиях.

Библиографический список

- Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
- Кавелин К. Д. Взгляд на русскую сельскую общину // Собр. соч. СПб., 1898а. Т. 2.
- Кавелин К. Д. Мысли об уничтожении крепостного состояния в России // Там же. СПб., 1898б. Т. 2.
- Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян в России // Там же. СПб., 1898в. Т. 2.
- Катков М. Н. Русская сельская община // Рус. вестник. 1858. Т. 17, сент.
- Китаев В. А. К. Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.
- Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.
- Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1995. Ч. 1. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энцикл. М., 2010.
- Чичерин Б. Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Опыт по истории русского права. М., 1858а.
- Чичерин Б. Н. О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян // Атеней. 1858б. № 8.
- Чичерин Б. Н. О крепостном состоянии // Голоса из России: Сб. А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М., 1974. Кн. 2, вып. 1.
- Hamburg G. M. Peasant Emancipation and Russian Social Thought: Case of Boris N. Chicherin // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4 (winter).

Дата поступления рукописи в редакцию 26.09.2011